

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

*— В таком случае я
буду единственным
трусом среди вас, —
произнес Дронго. — Но я
еще и любопытный
трус. Осторожность
подсказывает мне,
чтобы я сбежал
отсюда как можно
быстрее, а разум
твердит: вскоре мы
узнаем, что именно
здесь произошло...*

ЭКСМО

Поездка
в
Трансильванию

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Поездка в Трансильванию

«PEN-клуб»

2011

Абдуллаев Ч. А.

Поездка в Трансильванию / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2011 — (Дронго)

Дронго, всемирно известный эксперт по вопросам преступности, приехал на международную конференцию в Румынию. Уже на второй день он узнает, что несколько участников саммита получили письма угрожающего содержания. Неизвестный предупреждал их о неведомой опасности, при этом намекал, что это связано с духом графа Дракулы. Почти все, в том числе и Дронго, полагают, что это просто глупый розыгрыш. Однако когда вдруг гибнут двое гостей форума, эксперт меняет свое мнение и берется за дело всерьез...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Поездка в Трансильванию

«Лучше умереть, не думая о смерти, чем думать о ней, даже когда она вам не грозит».

Блез Паскаль

«Буддийское учение о круговороте перевоплощения не что иное, как земная мораль, возведенная до степени религии. По законам кармы все живущие после смерти расплачиваются за свои деяния, и плата эта отмеряется в соответствии с преступлениями и благими поступками, совершаемыми на земле. Коршун после смерти может быть человеком, а человек – и бабочкой, и Буддой, и кем угодно. Какая темная накипь на светлой элгии!»

Ясунари Кавабата

«Элегия»

«Из слов человека можно только сделать вывод, каким он намерен казаться, но каков он есть на самом деле, приходится угадывать из его мимики и жестов при высказывании слов, следовательно, и из тех движений, которые он делает нехотя».

Фридрих Шиллер

Глава 1

Самолет из Стамбула в Бухарест летит примерно сорок пять минут. Но маршрут, как правило, пролегает по Черноморскому побережью, и уже в Румынии самолет сворачивает на запад, приземляясь в аэропорту Бухареста. Может, поэтому на небольшом отрезке маршрута так часто трясет любой борт, следующий вдоль побережья Болгарии.

Гость сошел по трапу, недовольный перелетом. Можно было приехать и поездом, в который раз с неудовольствием подумал он.

В аэропорту его уже ждали. Советник посольства, относительно молодой человек, которому еще не было и сорока, радостно приветствовал гостя, поручив своему сотруднику заботу о багаже прибывшего. Уже в салоне машины гость уточнил, как будет проходить конференция.

– Первые два дня – заседания в Бухаресте, – начал объяснять советник посольства, – программа достаточно насыщенная. Затем вас разделят на группы, и вы побываете в Валахии, куда заедете на один день, а потом отправитесь на северо-запад, в Трансильванию.

– Почему нельзя было провести все дни только в Бухаресте? – поинтересовался гость.

– Местная экзотика, – слегка улыбнулся дипломат. – Конференцию собирают специально, чтобы подтвердить готовность Румынии вступить в Шенгенскую зону. Значит, им нужна демонстрация безопасности страны в различных ее точках. Сначала – на границе с Молдавией, в Валахии, а затем – на границе с Венгрией, где сейчас проходит общий рубеж Шенгенской зоны, отделяющий Румынию от всех остальных стран Европы. Поэтому вас и пригласили на эту конференцию. Они собрали самых известных экспертов в области международного права и безопасности, занимающихся вопросами преступности. Хотят убедить всех, что Румыния и Болгария готовы стать полноправными участниками Шенгенского соглашения.

– А цыганский вопрос? – напомнил гость. – Насколько я знаю, французы выслали из своей страны несколько сотен этнических цыган, граждан Румынии. И Париж категорически возражает против присоединения к Шенгенской зоне Румынии и Болгарии.

– Немцы тоже возражают, – добавил советник, – но остальные страны настаивают на праве двух восточноевропейских стран войти в это сообщество полноправными членами. В соседней Венгрии не менее остро стоит цыганский вопрос, но их приняли в Шенген, даже не вспомнив про местных цыган, тогда как румын сознательно изолируют.

– И они, конечно, недовольны, – сделал вывод приехавший. Дипломат согласно кивнул.

Машина въезжала в центр столицы, направляясь к отелю «Мариотт». Советник обратил внимание, как гость с любопытством осматривается, и спросил:

– Вы раньше бывали в Румынии?

– И не один раз, – признался гость. – В свое время меня даже выдворили из этой страны, посчитав, что я могу быть опасен режиму Чаушеску. Позже я узнал, что бывший сотрудник румынского туристического бюро Флориан был сотрудником румынской «секуритате» и весьма успешно фиксировал все наши неосторожные разговоры о действительном положении советских войск в Афганистане. Было ужасно обидно.

– Чем это закончилось?

– Дело в том, что режим Чаушеску мне не очень нравился, и это стало известно румынским спецслужбам. В советское посольство была отправлена нота, и меня быстро отсюда убрали. Самое любопытное, что спустя несколько лет самого Чаушеску и его супругу расстреляли, фактически устроив самосуд под видом революционного трибунала. Я до сих пор считаю, что обстоятельства румынской революции не до конца прояснены, но сейчас все предпочитают молчать. И сторонники, и противники. Правда опасна обеим сторонам, поэтому никто не собирается ее открывать.

– Зато мне говорили, что в Румынии вас хорошо знают, – заметил советник, – да и ваша необычная кличка вызывает интерес. Дронго. Звучит как удар колокола. А в румынском языке «драго» переводится как черт, бес или демон. Может, поэтому ваше прозвище здесь так популярно. Не забывайте, что эта страна Дракулы. По местным легендам, так его называли из-за того, что он был членом ордена Дракона, созданного императором Сигизмундом в начале пятнадцатого века...

– В тысяча четыреста восьмом году, – улыбнулся гость. – Я много читал об этом легендарном персонаже. Кстати, «драго» может переводиться и как дракон. Надеюсь, что никто не проводит аналогий между мной и Дракулой? У нас все-таки разные «специализации». Он убивал людей, сажая их на кол и сдирая кожу заживо, а я занимаюсь поисками преступников.

– Он самый известный румын в мире и самый зловещий вампир, – сказал дипломат. – Раньше он был и самым популярным вампиром, но сейчас появились новые фильмы и книги о вампирах, где внуки Дракулы выглядят очень даже симпатично, и в них влюбляются молодые девушки. А популярность вампиров сегодня может сравниться только с популярностью мушкетеров в прошлом веке.

– У каждого времени свои герои, – добавил Дронго, – но мушкетеры мне были более симпатичны, чем эти кровавые упыри. Хотя в сказки про вампиров я все равно не верю.

– Здесь, в Румынии, к ним относятся очень серьезно.

– Знаю. Но это еще и местная экзотика, и хорошая прибыль от туристического бизнеса.

– Многие до сих пор верят в вампиров, – признался советник, – верят в живых мертвецов, в возможность заразиться подобным бешенством, будучи укушенным, и, наконец, вообще верят во всю эту мистику.

– Ничего не поделаешь, людям нравится верить в подобные сказки, – согласился Дронго. – Однако мой многолетний опыт расследований доказывает, что ничего мистического не существует. Все преступления всегда можно объяснить логическим путем, на основе тщательного анализа, не прибегая к помощи потусторонних сил.

– Только не говорите этого румынам, – рассмеялся дипломат, – иначе они серьезно обидятся. Здесь постепенно складывается культ Дракулы, который был, оказывается, борцом за независимость, сражался с турками и вообще считается человеком достаточно неординарным.

Они подъехали к отелю. Швейцар, стоявший у дверей, забрал чемодан гостя, Дронго вместе с советником посольства прошли к стойке портье, чтобы зарегистрироваться. Проходя через просторный холл, эксперт заметил несколько знакомых лиц и кивнул им в знак приветствия. Среди приехавших был и бывший комиссар полиции Дезире Брюлей, с которым Дронго дружил уже много лет. Они тепло поздоровались и обнялись как старые друзья.

– Когда вы прилетели? – спросил Дронго.

– Сегодня утром, – ответил Брюлей, доставая трубку и оглядываясь по сторонам. – В нашей стране уже нигде нельзя курить, – пробормотал он, – ни в одном закрытом помещении. Хорошо, что до Румынии еще не дошли эти законы.

– Скоро дойдут, – пообещал Дронго. – Насколько я слышал, в Европе собираются запретить продажу табака и сигарет к двадцатому году. Осталось совсем немного...

– Надеюсь, что я не доживу до этого срока, – недовольно буркнул комиссар, – мне тяжело расстаться с моей трубкой. Этой вредной привычке больше полувека. Согласись, достаточно солидный срок.

Мимо прошел высокий худощавый мужчина лет шестидесяти. Глубоко посаженные глаза, неправильная форма вытянутого черепа, большой нос. Незнакомец был одет в характерный темный костюм в полоску марки «Бриони». Увидев комиссара, он кивнул ему в знак приветствия.

– Тромбетти тоже позвали, – заметил Брюлей, холодно поздоровавшись с гостем. – А я думал, что они его не пригласят.

– Это тот самый итальянский профессор права, который считает, что нужно вводить специальные законы против иммигрантов? – вспомнил Дронго.

– Правый радикал, – негромко произнес Брюлей. – Но сейчас такие «специалисты» получают поддержку в своих странах и даже в парламентах. Профессор Эдуардо Тромбетти считается одним из лучших специалистов по международному праву и вместе с тем не стесняется озвучивать свои одиозные взгляды.

Советник посольства подошел к Дронго и протянул ему карточку-ключ.

– У вас семьсот семидесятый номер, – сказал он, – ваши вещи уже там. Если вам что-нибудь будет нужно, можете позвонить в посольство.

– Большое спасибо, – поблагодарил Дронго. – Надеюсь, не придется тревожить посольство и причинять вам неудобства. Позвольте познакомить вас с комиссаром Дезире Брюлеем, легендой французской криминальной полиции.

– Бывшим комиссаром, – проворчал Брюлей. Коренастая фигура и лицо, словно вырезанное из камня, сразу выделяли его из общей толпы.

Дипломат увидел проходивших мимо женщин и церемонно поклонился. Одна из женщин, одетая в элегантный итальянский костюм-двойку, подошла к нему и протянула руку.

– Госпожа посол, я рад вас видеть, – проговорил дипломат по-турецки. – Это – гости, приглашенные на конференцию, – показал он на Дронго и комиссара Брюлея.

Посол пожала им руки, сказала несколько любезных слов по-французски, обращаясь к Брюлею, и отошла.

– Неужели действительно турецкий посол? – удивился комиссар, когда она вышла из холла.

– Что вас удивляет? – не понял Дронго.

– В Анкаре у власти находится исламская партия, – пояснил Брюлей. – Я недавно видел программу из Турции, и там как раз показывали, как одеты супруги президента и премьер-министра Турции на каком-то празднике, – обе были в платках. Госпожа посол явно отличается от них.

– В Турции слишком сильны светские устои государства, – сказал Дронго, – даже несмотря на постоянные победы партии Эрдогана. Между прочим, он не самый худший вариант для своей страны. Его кабинет сумел за несколько лет обуздать инфляцию, навести относительный порядок, стабилизировать политическую систему и даже обуздать всевластие военных, что было практически невозможно, если вспомнить историю Турции после Ататюрка.

– Похоже, ты испытываешь к нему симпатию, – пробормотал Брюлей.

– Я просто пытаюсь быть объективным, – возразил Дронго и неожиданно услышал за спиной чье-то восклицание: «Как я рада вас видеть!»

Он обернулся и замер от неожиданности. Это была Илона Романеску-Брескану, жена бывшего посла Румынии в России. Несколько месяцев назад его отозвали в Бухарест, и в Москве поговаривали, что его должны отправить в Судан. Судя по цветущему виду Илоны, ее супруг еще не успел получить назначение в эту проблемную страну Африканского континента.

Илона была бывшей волейболисткой, и на нее сразу обращали внимание. Высокий рост, короткая стрижка, раскосые глаза зеленого цвета, нос с небольшой горбинкой и особая грация, присущая спортсменкам, выделяли ее среди остальных женщин. Рядом с ней стояла среднего роста, круглолицая шатенка с карими глазами, достаточно плотного телосложения, на вид лет под сорок. Элегантно уложенные волосы, дорогое платье, очень дорогие часы и полусапожки от известного итальянского модельера.

– Познакомьтесь, – представила Илона свою спутницу, – это Татьяна Демченко, супруга самого Игоря Демченко.

Дронго поочередно поцеловал руки обеим дамам, Брюлей им просто кивнул.

– Вы не уехали в Африку? – вежливо поинтересовался Дронго.

– Нет, – счастливо улыбнулась Илона. – Мужа оставили пока в распоряжении министерства иностранных дел, даже сделали руководителем департамента, но обещали через несколько месяцев отправить послом в Любляну. Все-таки центр Европы, а не Судан. – Проходя дальше, она подмигнула Дронго: – Я сейчас провожу нашу гостью и вернусь к вам.

– Приятно было познакомиться, – без тени улыбки проговорила госпожа Демченко.

Когда женщины вышли из отеля, комиссар Брюлей взглянул на часы.

– Я поднимусь к себе, надо немного отдохнуть. Кто такой господин Демченко?

– Понятия не имею, – улыбнулся Дронго.

– А другая особа?

– Супруга бывшего посла Румынии в России Тудора Брескану, госпожа Илона Романеску-Брескану, бывшая спортсменка из Молдавии. Мы знакомы с ней по Москве.

– Ну-ну, – усмехнулся комиссар. – Судя по всему, она собирается продолжить ваше знакомство. Я поднимусь к себе.

Дронго проводил старого друга до кабины лифта и вернулся в холл. Илона тоже успела вернуться и теперь разговаривала с группой стоявших рядом с ней молодых людей, двумя мужчинами и одной женщиной. Всем троим на вид было не больше тридцати.

– Сотрудники министерства иностранных дел Румынии, координаторы вашей конференции, – пояснила Илона, показывая на своих собеседников, – и коллеги моего мужа. Госпожа Лесия Штефанеску, – она показала на миниатюрную брюнетку, похожую на подростка и одетую в строгий темный брючный костюм, волосы стянуты стильной заколкой с изображением дракона. – А эти господа – Георге Брынкуш и Джордже Теодореску. Говорят, что господин Теодореску – наш будущий министр иностранных дел, – добавила, улыбаясь, Илона. – Несмотря на свой молодой возраст, он уже начальник отдела.

Брынкушу было лет тридцать пять. Коренастый, широкоплечий, коротко остриженный. Второй выглядел немного помоложе, со стильно прилизанными волосами и короткой линией щегольских усов. Рукопожатие Брынкуша оказалось достаточно сильным, энергичным, корот-

ким, у Теодореску – гораздо слабее. Руку госпожи Штефанеску Дронго почти не почувствовал. Рядом с ними она казалась особенно миниатюрной.

– А это господин Дронго, один из лучших экспертов-аналитиков нашего времени, – кивнула в его сторону Илона. – Могу засвидетельствовать, что он лично продемонстрировал чудеса своего таланта, когда разоблачил убийцу российского бизнесмена Всеволода Пашкова¹. Признаюсь, что даже мы с мужем были среди обвиняемых. Но господин Дронго блестяще провел расследование, изобличив коварного убийцу.

– Его слава идет впереди него, – серьезно произнесла Лесия Штефанеску.

– Мы слышали о господине эксперте, – поддержал ее Брынкуш.

– Он – настоящий волшебник, – продолжала расхваливать эксперта Илона, – такой современный вариант Ван Хельсинга, который борется с разной нечистью.

– Если он – Ван Хельсинг, тогда должен быть и Дракула, с которым он будет бороться, – улыбнулся Теодореску.

– Или другие вампиры, – добавила Лесия.

– Надеюсь, в Румынии их уже не осталось, – возразил Дронго.

– Не загадывайте заранее, – посоветовала Илона. – Вы еще поедете в Валахию и Трансильванию, а там везде присутствует дух Дракулы.

Она не успела договорить, как в отель ворвался новый гость.

– Это безобразие! – крикнул он по-английски, едва появившись в холле. – Я прождал в аэропорту целых сорок минут, пока мне не сообщили, что мой встречающий наконец прибыл.

Все трое сотрудников румынского МИДа одновременно бросились к приехавшему. Это был грузный, полный мужчина в больших очках, редкие волосы прикрывали большую лысину; крупные черты лица, немного выпученные глаза, одутловатое лицо.

– Что это такое? – грохотал мужчина. – Что за организация встречи? Если так начинается конференция, я уже сейчас могу улететь обратно в Вашингтон.

– Успокойтесь, господин Уислер, мы не знали, что вы летите через Вену, – пояснил Теодореску, подходя к гостю. – Мы думали, что вы и мистер Гордон прилетите через Лондон.

– В Лондоне была нелетная погода, мы поменяли билеты, – продолжал возмущаться Уислер, – и сообщили на ваш электронный адрес, что прилетим австрийской авиакомпанией через Вену. Но нас все равно не встретили.

– Это недоразумение, – старался успокоить его румынский дипломат.

Следом за Уислером в холл вошел темнокожий афроамериканец. В отличие от кричавшего профессора он, улыбаясь, смотрел, как возмущается его коллега, и даже не пытался что-нибудь сказать. Ему было лет сорок пять; высокого роста, гладко выбритый, с мягкой улыбкой на устах.

– Питер Гордон, – представился он, протягивая руку Теодореску. – Профессор Чикагского университета.

– Очень приятно, – вежливо кивнул Теодореску. – Извините, профессор, что все так получилось, но мы не получали вашего сообщения. Возможно, господин Уислер отправил послание на какой-то другой адрес. Нам позвонили из Нью-Йорка, только когда вы были уже в нашем аэропорту.

– Ничего страшного, – добродушно заметил Гордон, – мой коллега отличается вспыльчивым нравом. Об этом знают все студенты и преподаватели Джорджтаунского университета в Вашингтоне.

Уислер продолжал громко высказывать свое недовольство, когда подошедшая госпожа Штефанеску предложила гостям пройти к стойке портье, чтобы зарегистрироваться и получить ключи от своих номеров.

¹ Здесь и далее упоминаются события, описанные в романе Ч. Абдуллаева «Клан новых амазонок».

– Нелегко вам будет, – хищно улыбнулась Илона, – здесь каждый со своими амбициями и своими претензиями. Хотя, наверное, так и должно быть. Румыны уверяли меня, что пригласили сюда лучших специалистов со всего мира. Более семидесяти гостей.

– Кто такой Игорь Демченко? – поинтересовался Дронго. – Судя по его супруге, это достаточно богатый человек.

– Очень богатый, – подтвердила Илона. – Он – известный украинский бизнесмен. По версии «Форбс», Демченко входит в число пятидесяти самых богатых украинцев. У него свои интересы в Румынии и Венгрии, где его неплохо знают. А его супруга Татьяна, которую вы сейчас видели, является первым заместителем министра юстиции Украины. Она прилетела как представитель украинской стороны, но все ее принимают, конечно, и как супругу *самого* Демченко. Кстати, она не живет в отеле. У господина Демченко есть отдельный особняк в центре города, где и останавливается его супруга.

– Интересная пара. Он – известный бизнесмен, а она – заместитель министра юстиции, – заметил Дронго.

– Женщины на Украине часто достаточно амбициозны, – сказала Илона. – Вспомните хотя бы Тимошенко. Вот вам прекрасный пример хорошего бизнесмена, опытного руководителя и просто красивой женщины.

– Согласен, – добродушно поддержал Дронго Илону. – И хотя я совсем не разделяю ее политических взглядов, как интересная женщина, она, безусловно, мне очень симпатична.

– Наконец выдавила из вас признание, – наклонилась к нему Илона. – Между прочим, вы были единственным человеком из моего окружения в Москве, кто ни разу не пристал ко мне с каким-нибудь непристойным предложением. Даже немного обидно.

– Не подозревал, что вы обидитесь, – солгал Дронго, – но я был занят расследованием сразу двух преступлений, а вы были в Москве супругой посла. К тому же подозреваемого в убийстве. Я не имел права даже думать о каких-либо отношениях между нами.

– Как это мило с вашей стороны, – тихо произнесла Илона. – Но сейчас я уже не супруга посла, а жена обычного чиновника. Или у вас есть свой лимит и на жен чиновников? – Эта женщина была настолько естественна в своей откровенной агрессии, что по-своему даже вызывала симпатию.

– Лимита нет, – осторожно ответил Дронго, – но существуют некие запреты морального плана. Я ведь знаком с вашим мужем...

– И это вас останавливает? – Она не скрывала своего удивления и даже некоторого презрения.

– У каждого свои принципы, – попытался оправдаться эксперт.

Этот разговор мог закончиться непредсказуемым образом, но неожиданно в холле появилась смуглая женщина лет сорока – запоминающиеся миндалевидные глаза, узкий нос, небольшой покатый лоб, высокие скулы, аккуратно собранные волосы, темно-синее закрытое платье с длинными рукавами. Она изумленно взглянула на Дронго, сделала шаг назад, подняла руки, словно заслоняясь от непрошеной встречи, и растерянно произнесла по-английски с явным арабским акцентом:

– Не может быть, вы тоже здесь? Если бы я знала, никогда в жизни не пришла бы сюда.

Глава 2

Илона весело взглянула на Дронго, явно наслаждаясь его замешательством и необычной реакцией незнакомки, и спросила:

– Что случилось? Вы знаете эту женщину?

– Добрый день, уважаемая госпожа Катиба Лахбаби, – вежливо проговорил Дронго. – Мне казалось, что мы можем встретиться как старые знакомые.

– Не смейте так говорить! – гневно произнесла Катиба. – Когда я вспоминаю, что произошло на Мадейре, меня трясет от возмущения. Я думала, что больше никогда в жизни не увижу такого развращенного и беспринципного человека, как вы, господин эксперт. Неужели румыны и вас пригласили на эту конференцию?

– Как видите, – улыбнулся Дронго, – но мне не совсем понятна ваша реакция. Насколько я помню, вы тогда не приняли участия в игре, а ушли в самом начале. По-моему, все было достаточно пристойно.

– Молчите, – махнула рукой Катиба, – ничего больше не говорите, чтобы не позорить себя.

– Неужели он вел себя как плохой мальчик? – выступила вперед Илона.

– Вы его супруга? – несколько растерялась Катиба.

– Нет, просто его знакомая.

– Тогда я скажу вам: не связывайтесь с ним, – убежденно произнесла Катиба, – он непорядочный человек. – Она повернулась и пошла к выходу.

– Вы ее знаете? – повторила Илона.

– Да, мы знакомы.

– Настолько близко, что она считает вас не совсем порядочным человеком?

– У каждого есть право на ошибку, – пробормотал Дронго.

– А я полагала, что вы – безупречный джентльмен. Неужели это ваша бывшая супруга? – Илона и не пыталась скрывать свою иронию.

– К счастью, нет, – ответил Дронго. – Госпожа Катиба Лахбаби – сотрудница спецслужб Марокко. Очевидно, она в списке гостей, приглашенных на конференцию. Мы познакомились с ней на Мадейре два года назад.

– Про какую игру вы говорили? – поинтересовалась Илона.

– Это была шутка.

– Но мне интересно, насколько «беспринципным и развращенным» вы были. Она ведь использовала именно эти термины? И не пытайтесь от меня ничего скрыть, я все равно узнаю. Подойду к ней и спрошу. Моего английского для этого будет вполне достаточно.

– Не нужно. Я вам сам все расскажу. Только не здесь, в холле, на нас все смотрят.

– Тогда пригласите меня на кофе, – предложила Илона.

С правой стороны от стойки портье находились кафе и бар. Они прошли за небольшой столик. Дронго заказал капучино для Илоны и чашку зеленого чая для себя.

– Рассказывайте, – потребовала она. – Мне ужасно интересно, что вы сделали с этой красивой женщиной, что она вас так ненавидит и боится.

– Ничего. Просто я случайно оказался на Мадейре, когда на остров налетел тропический ураган. И мы оказались заперты в отеле, откуда нельзя было даже выйти.

– Она была вашей любовницей и вы ее бросили?

– У вас бурная фантазия, – покачал головой Дронго. – Успокойтесь и пейте свой кофе. Мы никогда не были любовниками. Просто там было много разных мужчин и женщин, в основном из Центральной Европы. Кто-то из женщин предложил игру во «французский покер»...

– Это я знаю, – улыbnулась Илона. – У нас иногда в такой играют, на раздевание до нижнего белья. Смешная игра. Она из-за этого на вас обиделась?

– Не совсем. Не забывайте, что Мадейра – всемирно известный курорт и там свои нравы. А мы играли до последнего предмета одежды, когда женщины могли оставаться топлес, без бюстгалтеров.

– Ну и что? – разочарованно протянула Илона. – Даже у нас в Румынии многие так загорают. Я тоже всегда загораю таким образом на черноморских пляжах.

– Вы – европейка, а она – из мусульманского Марокко, – напомнил Дронго. – И то, что считается приличным в Европе и Румынии, не совсем прилично или очень неприлично в Марокко. Когда началась игра, она поднялась и вышла, возмущенная подобными предложениями.

– И все? Поэтому она на вас обиделась? В жизни не поверю, она на дурочку совсем не похожа. Не вы ведь предложили эту игру, и не вы ее придумали. А она сама разве не ходила на пляжи Мадейры и не видела, как там загорают женщины?

– Видела. Она сама тоже так загорала, – вспомнил Дронго, – но играть в подобные игры не могла.

– Какая глупость! – отмахнулась Илона. – Неужели больше ничего не было?

– Почти ничего.

– Значит, что-то все-таки было, – ухватила за его «почти» Илона. – Скажите, только откровенно. Не может быть, чтобы она так возмущалась только из-за этой игры.

– Я рассказал все как было.

– Не хотите рассказывать, – поняла Илона.

– Не хочу.

– Я так и думала. В душе вы – страстный обольститель. Человек, который так тонко чувствует настроение других людей, умеет угадывать их мысли и тайные желания, раскрывать мотивы их поступков и причины, побудившие их к преступлениям, не может не использовать свой богатый опыт для обольщения женщин. Вы же не сторонник однополый любви, каким был несчастный Марек Лихоносов, чье убийство вы так успешно раскрыли?

– Не нужно меня провоцировать. Вы прекрасно знаете, что я не являюсь последователем господина Лихоносова.

– Тогда, может, мы сразу поднимемся в ваш номер? – предложила Илона.

Дронго смутился. Когда женщина столь откровенно предлагает интимную связь, нужно либо сразу соглашаться, либо придумывать нечто правдоподобное для отказа. А если такое предложение исходит от красивой женщины, которая к тому же вам нравится, соглашаться нужно еще быстрее. Отказ выглядит либо идиотским поступком самовлюбленного болвана, либо гордыней не очень умного человека. Илона была очень красивой женщиной. Она понравилась Дронго еще тогда, когда они познакомились в Москве. Но обстоятельства их знакомства и встречи с мужем Илоны Тудором Брескану сделали невозможной подобную интимную встречу. Он был по-своему старомоден в этих вопросах. Но как отказать женщине, чтобы не выглядеть дураком или хамом?

– Не могу, – честно признался он, – просто не могу. Хочу, но не могу. Я знаком с вашим мужем, значит, не имею на это права.

– Вы еще и моралист, – покачала головой Илона. – Если я вам скажу, что это первый случай в моей жизни, когда я сама делаю предложение, и мужчина мне отказывает, вы поверите?

– Конечно. Вы очень красивая женщина. Не думаю, что могут найтись мужчины, которые бы отказались от подобной встречи.

– Один из таких сидит напротив, – саркастически произнесла Илона.

– Я не такой, – грустно возразил он. – Я же вам объяснил. У меня есть некоторые принципы, через которые мне сложно переступить. Если бы мы с вами познакомились в другом

месте и в другое время, я бы сам предложил вам подняться в мой номер. Я далеко не ангел, но и изменять собственным принципам считаю неправильным. Хотя, если честно, когда вы отсюда уйдете, я буду ужасно об этом сожалеть.

– Вы просто не можете решиться, – поняла Илона, – боитесь собственных принципов. По-моему, это глупо.

– По-моему, тоже. Если вы продолжите меня уговаривать, то через несколько минут я забуду и о собственных принципах, и о знакомстве с вашим мужем.

– Вы говорите об этом так, словно боитесь самого себя.

– Похоже, вы правы, – улыбнулся он, – немного боюсь.

– Дурацкая ситуация, – рассмеялась Илона. – Сижу и умоляю мужчину заняться со мной любовью. Это уж слишком, даже для такого уравновешенного человека, как я.

– Не нужно так говорить, иначе я сорвусь с места и побегу на седьмой этаж по лестнице.

– Зато теперь я передумала, – гордо сказала Илона. – Ваше время вышло, и я забираю свое предложение обратно. Вы слишком долго колебались – значит, должны быть наказаны. Увидимся завтра, на конференции. Кстати, она проходит в этом отеле, поэтому вам не придется далеко идти. Спасибо за кофе, мистер моралист. – Она поднялась и вышла, помахав ему кончиками пальцев на прощание.

Дронго поднялся вместе с ней, чувствуя себя полным идиотом; подозвал официантку, расписался за счет, пошел к выходу, но вдруг остановился, услышав, как его окликнули, и обернулся. На диване в холле сидел Сиди Какуб аль-Мутни. Таким было имя этого человека, которого хорошо знали и боялись в странах Магриба и на Ближнем Востоке. Он был в традиционной арабской одежде – в длинном белом одеянии и с привычным тюрбаном на голове. Неправильные черты лица, большие черные глаза, крупный нос, родинка на щеке, продолговатая голова, большие, словно расплюснутые уши. Сиди Какуб был аналитиком, на счету которого немало успешно проведенных расследований. Вместе с тем в Тунисе, где он жил, его считали прорицателем и астрологом, магрибским магом и даже немного побаивались его умению предвидеть развитие ситуации и читать затаенные мысли людей. Сейчас Сиди Какуб сидел на диване, поджав под себя ноги и держа в руках четки, которые методично перебирал.

– Здравствуйте, господин Сиди Какуб, – вежливо поздоровался Дронго. Он знал, что арабский аналитик в совершенстве владеет английским и французским языками, не считая родного арабского, и понимает урду.

– Приветствую вас, мой уважаемый коллега, – кивнул Сиди Какуб, не поднимаясь с дивана. – Ассалам аллеюкум!

– Ваалейкум ассалам, – ответил Дронго. По-арабски он почти не говорил и считал своим огромным недостатком незнание французского языка. Из европейских языков владел лишь английским и итальянским. Азербайджанский, русский, турецкий, фарси были родными, и на них он говорил достаточно свободно. Поэтому разговор с магрибским магом мог происходить только на английском.

– Садитесь, – показал на соседнее кресло Сиди Какуб, продолжая перебирать четки. – Вас тоже пригласили на эту конференцию.

– Судя по составу гостей, они хотят не только доказать, что их страна – полноправный член Европейского сообщества, но и подкрепить это мнение авторитетом приехавших специалистов, – ответил Дронго. – Я тоже получил приглашение.

– Значит, мы будем все эти дни вместе с вами, – сказал Сиди Какуб, – простите, что я вас окликнул. Но я видел, как вы разговаривали с этой красивой женщиной, и мне показалось, что вы колеблетесь, не зная, что ей ответить, испытываете какие-то внутренние сомнения.

– Да, – согласился Дронго, – все так и было.

– Тогда прошу извинить меня еще раз, если вмешиваюсь не в свои дела. Она тоже из числа приглашенных?

– Нет. Она – супруга высокопоставленного румынского дипломата, с которым я лично знаком.

– Значит, румынка? Я мог бы поспорить, что она не из местных; мне даже показалось, что вы говорите с ней по-русски.

– Так и есть. Она из Молдавии, бывшей советской республики, и познакомилась со своим будущим мужем в Москве, – пояснил Дронго. – Он был тогда послом Румынии в России.

– Теперь понятно, почему вы говорили с ней по-русски, – кивнул Сиди Какуб. – Не знаете, профессор Уислер тоже приехал?

– Знаю, видел и слышал. Он еще в аэропорту устроил скандал, посчитав, что встречавший их сотрудник приехал слишком поздно, заставив его просидеть лишние сорок минут... А потом продолжал возмущаться уже здесь, в отеле.

– Как это на него похоже, – разочарованно проговорил Сиди Какуб, – он всегда такой нетерпеливый. Вы слышали, что они хотят отвезти нас в Валахию и Трансильванию?

– Слышал. Я несколько раз бывал в Румынии, поэтому посещал и эти места.

– Говорят, там живет дух самого Дракулы, – улыбнулся Сиди Какуб улыбкой египетского сфинкса.

– Не думаю. Его давно растащили на сувениры, майки, наклейки, игрушки. Настоящий Дракула даже не стал бы восставать из мертвых, глядя на все это безобразие.

– Вы всегда были последовательным материалистом, – заметил Сиди Какуб, – но в нашем мире столько непознанного и непознаваемого...

– Нет, я скорее агностик. Должен с вами согласиться, что окружающий нас мир слишком непознаваем. При одной мысли о времени и пространстве Вселенной понимаешь, что человеческий мозг не в состоянии вместить подобные понятия, и становится немного страшно...

К ним подбежал мужчина среднего роста, в темном костюме и темной рубашке, с мелкими чертами лица, почти седой головой, вытянутым носом и бегающими глазами, и кинулся к арабскому гостю, пожимая ему руку.

– Не вставайте, не вставайте, – восторженно просил он. – Для нас такая честь принимать самого Сиди Какуба аль-Мутни в нашей стране! Спасибо, что приняли наше приглашение.

– Благодарю вас, господин Панчулеску, – ответил Сиди Какуб, сделавший попытку подняться. – Прошу познакомиться. Господин Удриште Панчулеску, эксперт комиссии Европарламента. А это – господин Дронго, эксперт специального комитета ООН и консультант Интерпола.

– Я слышал про господина Дронго, – обернулся к нему подошедший эксперт, – очень хорошо, что вы тоже приехали к нам в Румынию.

– Здравствуйте, господин Панчулеску, – ответил Дронго, и они уселись в кресла по сторонам от оставшегося сидеть на диване Сиди Какуба.

– Говорят, вы собираетесь отправить нас в Валахию и Трансильванию, – начал арабский гость. – Это правда?

– Да, по программе все так и будет, – подтвердил Панчулеску. – Нас всех разделят на группы и отправят по этому маршруту. Румыния хочет доказать всем, что готова стать полноправным членом Европейского сообщества, войдя наконец в Шенгенскую зону.

– Не сомневаюсь, что все вынесут самое положительное заключение по этому вопросу, – сказал Сиди Какуб. – А как именно поделят наши группы? Уже есть списки?

– Конечно. – Панчулеску достал из кармана листы бумаги. – У вас третья группа. Вы как раз попали вместе со мной. Здесь указаны господин Сиди Какуб и господин Дронго. Простите, но они пишут рядом с вашим именем вашу известную на весь мир кличку.

– Меня обычно так называют, – согласился Дронго.

– Ну, и я напросился поехать с вами. Кроме того, в нашей группе будут госпожа Татьяна Демченко, представитель Украины, профессора Томас Уислер и Питер Гордон из Соединенных Штатов, итальянский специалист Эдуардо Тромбетти и госпожа Катиба Лахбаби...

Дронго нахмурился. Поездка с марокканским экспертом не сулила ничего приятного.

– Она тоже поедет с нами? – уточнил Сиди Какуб, заметив реакцию Дронго.

– Да, – подтвердил Панчулеску, – мы поедем все вместе.

– Вы с ней знакомы? – спросил Сиди Какуб, обращаясь к Дронго.

– Мы встречались, но, боюсь, она не считает меня своим хорошим знакомым, – признался Дронго.

– Кто еще? – уточнил Сиди Какуб.

– С нами поедут еще и представители румынского МИДа, – пояснил Панчулеску, – а также прилетевшая из Страсбурга госпожа Эужения Лунгул. Она как раз консультант правозащитной организации по цыганскому вопросу.

– А комиссар Дезире Брюлей? – Дронго подумал, что ему лучше перейти в другую группу.

– Он – в первой группе, – пояснил Панчулеску, просматривая списки.

– Может, нам поменяться? – предложил Дронго. – Мы с ним старые друзья.

– Наверное, можно, – ответил Панчулеску. – Но первая группа франкоязычная. Туда попали представители Франции, Бельгии, Канады, африканских государств, Турции, владеющие французским языком. У них будет франкоязычный гид. Во второй группе будут представители немецкоязычных государств – Австрии, Германии, Швейцарии, Чехии, Голландии, понимающие немецкий. В четвертой представлены специалисты, у которых будет русскоязычный гид. А в вашей группе будут англоязычные представители. Есть еще и пятая группа – представители Скандинавии и Прибалтики, они тоже говорят по-английски. И шестая, где будут представители Аргентины, Испании, Чили, Колумбии, говорящие по-испански.

– Почему тогда госпожа Демченко попала в нашу группу? – спросил Дронго.

– Украинцы традиционно просят включать их в англоязычные группы, – улыбнулся Панчулеску, – вы должны знать это лучше других. Традиция, оставшаяся еще со времен прежнего президента Украины господина Ющенко. Тогда все украинцы принципиально говорили по-английски или по-украински, не соглашаясь входить в русскоязычные группы, как и нынешние прибалты. Кстати, представитель Грузии будет в пятой группе, вместе с прибалтами. Вы же понимаете, что это политика...

– Везде политика, – весело произнес Сиди Какуб, перебирая четки, – все как обычно. Надеюсь, нам покажут замок самого Дракулы?

– Обязательно, – подтвердил Панчулеску, – он сейчас стал своеобразным символом нашей страны. Про него снято столько фильмов и написано столько книг, хотя все было, конечно, совсем не так...

– Самое главное, что Дракула действительно существовал, – сказал Сиди Какуб, – и его наследники наверняка еще живут среди нас, хотя, полагаю, господин Дронго не верит в них.

– Есть столько преступников, которые гораздо хуже вампиров, – пробормотал Дронго. – Когда взрывают самолет в Америке или бомбу в Ираке и гибнут сотни людей, это гораздо хуже вампира. Хотя и вампиры мне принципиально не нравятся.

– Мы постараемся оградить вас от них, – рассмеялся Панчулеску, убирая бумаги в карман, и поднялся. – Увидимся завтра на конференции. Все документы получите утром при регистрации. До свидания, господа эксперты. – Он быстро отошел от них.

– Суетливый человек, – заметил Сиди Какуб. – Вы знаете Эужению Лунгул?

– Нет. А кто это?

– Самый настоящий экстремист. По-моему, она тоже цыганка. Вы бы слышали, как яростно она обвиняла французские власти в депортации цыган. Уже сейчас могу сказать, что с ней будут проблемы. Совершенно неуправляемый человек. Я встречался с ней в Тунисе, куда

она приезжала по нашему приглашению в прошлом году, и у меня были большие неприятности из-за этого визита. Госпожа Лунгул свободно владеет английским и французским языками. А в нашей стране французский язык распространен так же, как и арабский, – напомнил Сиди Какуб, – на нем говорит почти вся правящая элита. Она тогда произнесла такую речь, что власти даже хотели ее депортировать. Правда, это было еще при прежнем руководстве.

– Сколько ей лет?

– Тридцать или чуть больше. Причем я просил ее воздержаться от публичной критики, но разве она кого слышит? Хорошо, что у нас все поменялось.

– Как у вас сейчас обстановка? – поинтересовался Дронго. – Ведь столько всего произошло – революция, бегство президента Бен-Али...

– Стабилизация наступит не скоро, – признался Сиди Какуб, – это уже правило, не имеющее исключений. Лучше один тиран и твердая власть, чем анархия и беспорядки на улицах. Он «царствовал» двадцать три года. Для любой страны это более чем достаточный срок, чтобы везде были его люди, его чиновники, его генералы, его доверенные лица. Нужно либо всех менять, либо всех прощать, но ни то ни другое невозможно.

– Во многих арабских странах схожая ситуация, – напомнил Дронго.

– От этого нам не легче, – заметил Сиди Какуб, продолжая перебирать четки. – Полагаю, что в Египте будут такие же проблемы после Мубарака. Он правит уже тридцать лет. Согласитесь, если это не наследственная монархия, потрясения почти неизбежны. Хотя он, кажется, собирается оставить своего сына, которого терпеть не могут в Египте. Боюсь, что после Туниса начнется обычный «эффект домино».

– Кажется, еще в конце восемнадцатого века было сказано, что любую революцию порождают злоупотребления, – напомнил Дронго, – но в конечном итоге любые злоупотребления лучше революции. Хотя это достаточно спорная точка зрения.

– Только не в наших условиях, – возразил Сиди Какуб. – Помните, что случилось в Ираке, где убрали Саддама Хусейна, который правил двадцать четыре года? Получили на долгие годы вперед гражданскую войну всех против всех, фактический распад страны на курдов, шиитов и суннитов, не говоря уже о проблемах внешней агрессии. Восемь лет идет непрерывная война, которой не видно конца. Таковы реалии наших государств, – цинично добавил арабский эксперт, – хотя это касается не только их. Вспомните Йемен, Ливию, Сирию, где схожие проблемы, или вашу Киргизию, где уже дважды изгоняли президентов. Думаете, там все закончилось?

– Боюсь, что нет, – признался Дронго.

К ним подошла молодая женщина с микрофоном в руках.

– Я могу взять у вас интервью для румынского телевидения? – на ломаном английском спросила она. – Господин Панчulesку посоветовал обратиться именно к вам.

– Только не у меня, – быстро поднялся Дронго. – Господин Сиди Какуб аль-Мутни всемирно известный эксперт, поговорите с ним.

– Нельзя быть таким скромным, коллега, – добродушно заметил Сиди Какуб, кивая журналистке в знак согласия.

Дронго направился к лифту. Вместе с ним туда шагнули еще несколько человек. Последним вбежали Брынкуш и какая-то дама, успевшая втиснуться последней. Дронго мог видеть только ее покрашенные в ядовито-красный цвет волосы. Она что-то тихо говорила румынскому дипломату. На четвертом этаже вышли двое мужчин, на пятом – еще две женщины, а на седьмом – Брынкуш и незнакомка. Дронго вышел вслед за ними, но они не слышали его шагов.

– Все эти приехавшие идиоты ничего не понимают, – нервно произнесла женщина по-румынски. Слово «идиоты» было понятно на любом языке. Она повернулась, и Дронго наконец увидел ее лицо. Сухие тонкие губы, заостренный нос, колючие глаза в очках. Она была одета в джинсовый костюм и майку с вызывающей надписью на испанском «Да здравствует революция».

«Слишком театрально», – подумал Дронго.

Брынкуш тоже обернулся и, увидев Дронго, даже вздрогнул.

– Господин эксперт, – не очень решительно пробормотал он, – это наша гостья госпожа Эужения Лунгул. А это господин Дронго, эксперт по вопросам преступности.

– Значит, вы защищаете толстомордых котов и преследуете их оппонентов? – ехидно спросила женщина.

– Нет, – ответил Дронго, – я защищаю от злых котов и не делю людей на толстомордых и узколидых. У меня другие задачи...

– Все так говорят, – махнула она рукой, проходя дальше.

– Извините, – пробормотал Брынкуш, поспешив за ней.

Дронго проводил их долгим взглядом. Интересно, почему она считает всех приехавших идиотами, подумал он, входя в свой номер.

Глава 3

На утреннем заседании конференции в зале присутствовали полторы сотни гостей. Среди них были румынские дипломаты и специалисты в области международного права, а также приглашенные гости из соседних стран – Болгарии, Венгрии, Сербии, Молдавии. Конференцию открыл министр иностранных дел Румынии, сразу предоставивший слово представителю Европарламента, вице-спикеру из Швеции, который приветствовал собравшихся, выразив твердую уверенность в том, что Румыния и Болгария обязательно войдут в Шенгенскую зону на правах новых членов Европейского сообщества.

Следом за ним слово предоставили румынскому профессору, и тот начал читать нудный и скучный доклад, растянувшийся на сорок с лишним минут. Делегаты откровенно скучали, некоторые поднимались и выходили из зала, чтобы спуститься в кафе и выпить кофе. Копию доклада уже перевели на основные европейские языки и обещали раздать всем делегатам, поэтому слушать его не было никакой необходимости. Дронго обратил внимание, что в зале конференции снова появилась Илона и уселась рядом с госпожой Демченко. За их спинами находился молодой человек, очевидно, телохранитель или помощник. Дронго вежливо кивнул ей, но она отвернулась с оскорбленным видом, не ответив на его приветствие.

Доклад тем временем продолжался, не обещая ничего необычного, пока докладчик не дошел до раздела о депортации румынских цыган, которых выдворили из Франции в прошлом году. Он упомянул об этом достаточно сжато, обратив внимание на несовместимость подобных действий французских властей с демократическими нормами, приверженность которым была провозглашена в Лиссабонском договоре, заменившем европейскую Конституцию. И тут зал взорвала своим криком Эужения Лунгул, сидевшая в третьем ряду.

– Почему вы не говорите, что это грубое нарушение прав человека?! – крикнула она, прерывая докладчика. Крикнула по-английски, чтобы ее могли понять прибывшие на конференцию гости.

Докладчик растерялся. Он не знал, что сказать, и, обернувшись, растерянно посмотрел на министра иностранных дел.

– Вы должны подать жалобу на французские власти в Европейский суд, – поднялась со своего места госпожа Лунгул. – Неужели вы не понимаете, насколько неправомерные действия были совершены французским правительством?..

Министр тоже поднялся. Дальше молчать было невозможно; выступление этой женщины грозило дипломатическими осложнениями, не говоря уже о том, что в зале присутствовали два представителя Франции – бывший комиссар Дезире Брюлей и дипломат из французского МИДа месье Бержерон. Правда, Брюлей продолжал улыбаться, тогда как дипломат, уже понявший, о чем идет речь, нахмурился.

– Вы не имели права замалчивать такую важную проблему и делать вид, что ничего не произошло, из-за своего страха перед французскими властями, – не унималась Эужения. Дронго обратил внимание, что сидевший рядом с ней Брынкуш пытался ее остановить, даже схватил ее за руку, но она с силой вырвала ее. Министр помрачнел. Эти выкрики грозили обернуться дипломатическим конфузом, когда месье Бержерон поднялся, решив, что достаточно критики в адрес его страны.

Министр покачал головой, показывая глазами сидевшему рядом с ней Брынкушу, чтобы тот принял меры. Последний уже поднялся, откровенно хватая ее за руки и поворачивая к себе. Назревал скандал.

– Хватит, госпожа Лунгул! – стараясь придать твердость своему голосу, сказал министр. – Мы все были озабочены проблемой наших сограждан, которых выселяли из Франции, но это еще не повод перебивать нашего уважаемого докладчика.

Французский дипломат Анри Бержерон замер, не решаясь выйти, и посмотрел в президиум, пытаясь понять, что произойдет дальше.

– Вы промолчали, когда обязаны были протестовать, – вырвалась из рук Брынкуша Эужения.

– Мы дадим вам слово, чтобы вы могли высказаться, – предложил министр, – но сейчас разрешите нашему докладчику закончить свою речь.

– Но я требую!..

Бержерон пошел к выходу. Министр понял, что его могут обвинить в срыве важной конференции, не говоря уже о том, что от официального мнения Франции и Германии зависела позиция самого Евросоюза. Он просяще посмотрел на сидевшего рядом с ним вице-спикера Европарламента. Тот сразу понял, что обязан разрулить ситуацию, и взял микрофон.

– Уважаемая госпожа Лунгул, вы можете официально обратиться к нам с изложением ваших взглядов, и я обещаю, что мы их рассмотрим. Что касается сегодняшней конференции, речь идет не о нарушениях со стороны французских властей, а о готовности румынских властей обеспечить безопасность собственных границ. И мне кажется, что будет правильно, если мы продолжим конференцию и уточним наши позиции.

Пока он говорил, министр уже опомнился и показал на Эужению сотрудникам службы безопасности. Те поспешили на помощь Брынкушу. Правда, она не особенно понадобилась. Брынкуш, не церемонясь, схватил женщину за плечи и потащил к выходу. Оба сотрудника службы безопасности последовали за ними, готовые помочь выдворить смутьянку из зала.

Бержерон стоял у дверей, наблюдая за происходящим. Когда Эужения снова попыталась что-то крикнуть, Брынкуш просто вытолкнул ее в холл, и министр удовлетворенно кивнул. Ситуацию удалось разрулить наилучшим образом.

– Ничего, господа, – улыбнулся он, – иногда подобные инциденты происходят, и никто не может гарантировать нас от них. Месье Бержерон, вы можете вернуться на свое место, конференция продолжается.

Французский дипломат колебался несколько секунд, но, увидев, что его демарш не поддержал комиссар Брюлей, пошел на свое место.

Дронго поднялся и направился к выходу, столкнувшись с возвращающимися охранниками; очевидно, им удалось убедить скандалистку больше не заходить на первое заседание. Внизу, в кафе, уже сидели Эужения Лунгул и вытолкнувший ее из зала Георге Брынкуш, который тихо и долго что-то выговаривал женщине. К большому удивлению Дронго, она сидела довольно спокойно, слушая румынского дипломата, который так недипломатично обошелся с ней.

– Я же говорил, что она неуправляемая экстремистка, – услышал эксперт за своей спиной голос Сиди Какуба.

– По-моему, ее можно было и не приглашать, – сказал Дронго, обернувшись, – если все знали, что она будет вести себя подобным образом.

Сиди Какуб был в своей традиционной одежде, только без привычных четок в руках.

– А мне кажется, что они планировали нечто подобное, – возразил он. – Организаторам нужны подобные скандалы, чтобы продемонстрировать степень недовольства обычных людей и заявить о своей позиции.

– Почему вы так считаете?

– Посмотрите, как спокойно она беседует с человеком, который вытолкнул ее из зала. А ведь это румынский дипломат, один из организаторов встречи, – ответил Сиди Какуб. – Возможно, вся эта громкая акция была сознательной провокацией румынских властей, чтобы обратить внимание на депортацию цыган из Франции.

– Я тоже обратил внимание на эту пару. Вчера они вместе поднимались в ее номер, – сообщил Дронго, – и он сидел рядом с ней во время первого заседания. Возможно, его приставили к ней специально, чтобы он контролировал эту неуправляемую особу.

– Или направлял, – цинично усмехнулся Сиди Какуб.

Дронго решил ему не отвечать, когда увидел спускающихся вниз гостей конференции. Первое заседание благополучно завершилось, и был объявлен перерыв. Илона спускалась вниз вместе с женой украинского олигарха. Телохранитель следовал за ними на расстоянии двух метров. Они прошли мимо Дронго, даже не взглянув в его сторону. Следом за ними в кафе появилась Катиба Лахбаби. Она тоже проигнорировала Дронго и, подойдя к Сиди Какубу, энергично поздоровалась с ним.

– Вы разве незнакомы? – удивился он, обращаясь к Катибе.

– Даже слишком хорошо знакомы, – ответила она. – Господин Дронго не просто известный эксперт, он еще и известный донжуан.

– Интересно, – пробормотал Сиди Какуб, – что такого вы успели сделать? – И вместе с Катибой отошел к столику, стоявшему в углу. Дронго прошел в другой угол, чтобы быть подальше от этой пары.

Он заказал себе чай и вдруг услышал за спиной хорошо поставленный голос американского профессора.

– Вы опять не хотите меня понять, господин Теодореску, – громко говорил Уислер, спускаясь по лестнице вместе с румынским дипломатом. – Я настаиваю, чтобы мое выступление было заслушано на пленарном заседании, иначе оно теряет всякий смысл...

Они вошли в кафе, и Уислер, увидев сидевших за столиком Эужению и Брынкуша, покачал головой.

– Она еще здесь? Ее нужно было арестовать за хулиганское поведение. У вас слишком либеральные законы, господин Теодореску. Разве можно пускать таких особ на конференцию?..

В кафе появился Тромбетти и сразу направился к столику, где сидели Эужения и Брынкуш.

– Должен вам сказать, госпожа Лунгул, что вы не правы. С юридической точки зрения французские власти были абсолютно правомочны выдворять из своей страны людей, не имеющих визы, не являющихся гражданами их страны и нарушающих внутренние законы Франции. Учитывая, что французские власти не просто выдворяли нежелательных иммигрантов, но и выплачивали им своеобразную компенсацию, я думаю, что ваши соотечественники должны быть довольны.

– Как вам не стыдно! – встрепелась Эужения. – Как вы можете такое говорить!

– Я – профессор права и знаю, о чем говорю, – гордо заявил Тромбетти, отходя от стола.

– Фашист! – громко прошипела Эужения, с таким расчетом, чтобы итальянец ее услышал. Тромбетти услышал, но только пожал плечами, даже не пытаясь отвечать.

Питер Гордон вошел в кафе как раз на этих словах и, не удержавшись, приблизился к Эужении.

– Простите, госпожа Лунгул, но ваше поведение кажется мне не совсем продуктивным. Необходимо обосновать свои претензии и подать официальную жалобу в Европарламент или в Евросуд, а не пытаться докричаться до тех, кто не хочет вас услышать. С психологической точки зрения вы должны это понимать.

– Я пыталась им объяснить, – вздохнула Эужения.

– Найдите хорошего юриста, – посоветовал Гордон.

В кафе, тяжело ступая, вошел Дезире Брюлей и тяжело опустился на стул рядом с Дронго.

– Я видел списки. Нас разбили на группы, и меня определили во франкоговорящую группу. Жаль, что мы не будем вместе. Но тебе скучать явно не придется. С тобой поедет эта

скандальная особа, которая мне понравилась. Довольно отважная и знает, чего хочет. У нее есть принципы, а в наше время их трудно отстаивать.

– Она делает это слишком громко, – заметил Дронго, – и, кроме очередного скандала, ничего не добилась. Хотя, возможно, именно скандал и входил в ее планы.

– Ты говоришь о дипломате, сидящем около нее? – понял опытный Брюлей.

– И о нем тоже. Мне показалось странным, что он все время рядом с ней, и сидел рядом даже во время заседания. Потом он довольно бесцеремонно выдворалял ее из зала, а теперь они спокойно беседуют.

– Возможно, ее истерика была хорошо спланированной акцией, в расчете на гостей конференции, – согласился Брюлей. – Что ты заказал?

– Себе чай, а вам могу заказать кофе.

– Пусть принесут зеленый чай, – попросил комиссар, – вспомни о моем возрасте. Я теперь пью кофе через раз, говорят, у меня повышенное давление. Надеюсь, что я от этого не умру. Как ты думаешь, здесь можно курить?

– Пепельниц нет, значит, нельзя.

– Я так и думал, – разочарованно произнес Брюлей.

Дронго поднял руку, подзывая официантку, и попросил принести зеленый чай.

– В той стороне сидит Сиди Какуб, – заметил комиссар, – ты, кажется, с ним знаком.

– Да, мы несколько раз встречались.

– Опасный человек, – неожиданно произнес Брюлей. – Ты ведь знаешь, что североафриканские страны традиционно тяготели к Франции. Алжир и Тунис вообще франкоговорящие страны, и у нас там есть много собственных интересов. Могу тебе сказать, что мы получали информацию о деятельности Сиди Какуба. Он не только эксперт по вопросам преступности, но и консультант некоторых организаций, которые не всегда официально зарегистрированы в своих государствах.

– Я об этом знаю. В Тунисе его вообще считают «магрибским магом», и он сознательно поддерживает эту репутацию.

– Должен тебе сказать, – продолжал Брюлей, – что твое путешествие в Валахию и Трансильванию представляется мне даже опасным. Я говорил тебе, что госпожу Эужению Лунгул включили в твою группу. Но там будет и этот «магрибский маг». Кроме самого Сиди Какуба, с тобой отправится и Тромбетти, взгляды которого нельзя назвать демократическими, а также неуравновешенный профессор Уислер, который может устроить скандал в любом месте и в любое время. По-моему, достаточно, чтобы чувствовать себя не очень спокойно.

– Вы еще не знаете остальных, – усмехнулся Дронго. – Сидящая рядом с Сиди Какубом женщина – это гостья из Марокко Катиба Лахбаби, которая меня терпеть не может. И еще, возможно, с нами поедет госпожа Демченко, подруга супруги бывшего посла в России Илоны Романеску-Брескану, тоже не очень мне симпатизирующей, и свою неприязнь она может внушить своей подруге.

– Очень занимательная компания, – пробормотал Брюлей. Ему принесли чай в фарфоровой чашечке, он поблагодарил официантку, пробуя его на вкус, и предложил Дронго: – Может, откажешься от этой поездки?

– Не думаю, что это правильно, – ответил Дронго. – Даже может быть очень интересно – такие разные люди по своим убеждениям и взглядам. Вы знаете профессора Питера Гордона из Чикаго?

– Этот афроамериканец? – уточнил Брюлей, кивая в сторону Гордона, сидевшего рядом с Уислером и Теодореску. – Нет, я с ним незнаком и никогда о нем не слышал. Он тоже поедет с вами?

– Да, он в нашей группе.

К ним подошла Лесия Штефанеску. Сегодня она переоделась и была в темном платье. На груди висела табличка, как и у остальных организаторов встречи. Гостям раздали голубые, а у хозяев таблички были желтыми.

– Извините, что я вас беспокою, – сказала Лесия на хорошем английском. – Дело в том, что я буду куратором третьей группы и хотела бы уточнить: вы поедете с нами в поездку по стране, господин Дронго?

– Обязательно, – кивнул он.

– У нас третья группа. – Лесия сделала пометку в своем блокноте. – Мы выезжаем завтра после обеда.

– А когда выезжает моя группа? – поинтересовался Брюлей.

– У вас завтра встреча в МИДе, – посмотрела свои списки Лесия, – господин Бержерон и вы будете у господина министра. Он хочет лично встретиться с вами и с гостями, приехавшими из Германии. Поэтому первая и вторая группы выедут из Бухареста послезавтра утром. Сегодня вечером будет дан официальный ужин от имени правительства нашей страны. У вас есть еще вопросы?

– Сколько человек в нашей группе? – уточнил Дронго.

– Должно быть двенадцать, – ответила она. – А почему вы спрашиваете? Вас интересует кто-то конкретно?

– Меня интересует состав группы.

– У меня только предварительный список. Профессор Уислер, Тромбетти, Гордон. Гости из африканских стран – господин Сиди Какуб и госпожа Катиба Лахбаби. Госпожа Эужения Лунгул. Вы. Госпожа Татьяна Демченко, но она пока не дала своего согласия, возможно, откажется от поездки или поедет на собственном транспорте.

– Восемь человек, – посчитал Дронго, – а вы говорили, что двенадцать.

– Да, но не забывайте, что в вашей группе будет и двое сопровождающих – я и господин Теодореску.

– Все равно получается десять, – улыбнулся Дронго. – Ужасно интересно узнать, кто еще отправится с нами?

– Больше никого, – снова посмотрела в список Лесия. Затем пересчитала всех заново. – Двенадцать человек плюс один, я забыла про господина Панчулеску, он тоже будет в составе нашей группы. И еще, возможно, с нами поедет госпожа Илона Брескану, она подруга госпожи Демченко и супруга нашего руководителя департамента. А также помощник госпожи Демченко. Но он не является членом делегации, а числится как «плюс один». Итого, получается ровно двенадцать – если, конечно, госпожа Демченко решит отправиться в эту поездку.

– Госпожа Брескану тоже поедет вместе с нами? – не смог скрыть разочарования Дронго.

– Да, – кивнула Лесия, – если поедет госпожа Демченко. Если нет, тогда мы отправимся вдвоем. Хотя мы все равно не будем от них зависеть. Госпожа Демченко – супруга известного человека, который может позволить себе частный самолет и собственную охрану.

– Спасибо за информацию, – кивнул Дронго.

Когда Лесия отошла, Брюлей добродушно усмехнулся и пробормотал:

– По-моему, группа будет еще сложнее, чем нам казалось, и теперь ты можешь что-нибудь придумать, чтобы отказаться от поездки.

– Нет. Именно теперь мне интереснее всего поехать вместе с ними, – возразил Дронго, – иначе одна моя знакомая может решить, что я просто испугался.

Глава 4

Второе заседание конференции проходило не менее бурно, чем первое. Два выступления буквально взорвали зал. Сначала профессор Тромбетти долго доказывал необходимость переходного периода для стран с такой неокрепшей демократией, как Румыния и Болгария, чтобы вступать в Шенгенскую зону, и уж тем более в Евросоюз. Он назвал еще несколько стран, не готовых, по его мнению, к полноценному сотрудничеству со странами Европы, среди которых оказались Венгрия и Словакия, уже являющиеся полноправными членами всех европейских структур, что вызвало протесты представителей этих стран. В заключение Тромбетти позволил себе нападки на Турцию и Сербию, которые не смогут в обозримом будущем даже претендовать на полноправное участие в объединенной Европе. Турецкий и сербский представители сразу покинули зал, и председательствующий заместитель министра иностранных дел Румынии попросил итальянского профессора воздержаться от подобных нападок.

Затем масла в огонь подлил профессор Уислер. Он не только поддержал выступление Тромбетти, но и привел данные по наркотрафику из стран Восточной Европы, говоря об организованной преступности, с которой власти не в состоянии бороться. Закончил свое выступление профессор призывом не торопиться с принятием этих стран, а самим странам усилить борьбу с преступностью. В ответ на возмущенные реплики делегатов председательствующий объявил перерыв на обед, явно в нарушение регламента.

За обедом произошел еще один неприятный инцидент, когда Эужения еще раз громко обозвала Тромбетти фашистом в присутствии многих гостей конференции. Брынкуш, опять оказавшийся рядом, с огромным трудом увел строптивую гостью из ресторана. А подошедший к Уислеру гость из Болгарии долго объяснял американскому профессору несправедливость его суждений. После перерыва выступающие больше не позволяли себе подобных выпадов, и конференция проходила уже спокойно. Перед закрытием первого дня всем делегатам раздали именные приглашения на ужин в ресторане отеля «Хилтон», где устраивался прием в честь приехавших гостей.

Автобусы ждали гостей прямо у здания отеля. Дронго переоделся в темный костюм и вышел одним из первых, усаживаясь в автобус. Там уже сидел комиссар Брюлей, в своем привычном, немного потертом пиджаке и серых брюках. Он взглянул на своего молодого друга, одобрительно кивнул и сказал:

– Так и должно быть. Ты молодой, у тебя еще половина жизни впереди. Тебе нужно быть элегантным и модным. А я уже старик и могу позволить себе не возить с собой фрак или смокинги.

А вот Тромбетти пришел в смокинге, который он, очевидно, возил с собой в багаже. Уислер не стал менять своего мягкого костюма. Гордон, напротив, переоделся и выглядел как тренер какой-нибудь американской баскетбольной команды; ростом он был почти с Дронго. Сиди Какуб появился в традиционной арабской одежде, но белого цвета; очевидно, его выходной костюм. На ногах вместо привычных сандалий – удобные итальянские мокасины.

Удивили женщины. Катиба надела яркое желто-красное платье с длинными рукавами, украшенное большим кулоном с изображением дракона. Эужения пришла в светло-зеленом платье чуть выше колен. Выяснилось, что у этой скандальной особы очень неплохая фигура и идеальные ноги. Но, конечно, всех затмила приехавшая на прием позже остальных Татьяна Демченко. В серебристом платье с открытым плечом от известного английского модельера, в драгоценностях от не менее известной швейцарской фирмы, буквально завораживающих и очень дорогих, она явно претендовала на роль царицы бала, к явному неудовольствию супруги министра иностранных дел, выглядевшей в своем новом платье как ее домработница.

Даже Илона, явившаяся на прием вместе с госпожой Демченко, терялась на фоне этого великолепного платья и бриллиантов. Хотя и сама выглядела прекрасно в платье от Прадо, подчеркивавшем ее фигуру, соблазнительные формы и длинные ноги, на которые почти все мужчины обращали внимание. Если Демченко претендовала на роль царицы вечера, то Илона вполне могла быть признана самой сексуальной женщиной сегодняшнего приема и отлично это сознавала.

Даже Лесия Штефанеску пришла в милом коктейльном платье, так очаровательно сидевшем на ней. Некоторые из мужчин предпочли смокинги, но большинство были в обычных строгих темных костюмах.

Все ждали появления президента страны, который должен был прибыть к восьми часам вечера. Немного опоздав, он все-таки появился в ресторане и даже выступил, сказав о необходимости дальнейшего укрепления демократических институтов и полноправного членства Румынии во всех европейских структурах. При этом, явно отвечая французам и немцам, подписавшим совместное письмо с просьбой воздержаться от приема Румынии в Шенгенскую зону, он резко заметил, что его страна не потерпит диктата ни с чьей стороны. Затем с ответным словом выступил вице-спикер Европарламента, который примирительно заявил, что вся Европа считает Румынию и Болгарию неотъемлемой частью европейского содружества. На этом официальные выступления закончились, и гостей пригласили к столам.

Дронго обратил внимание, что Илона о чем-то переговаривается с Катибой Лахбаби, оставив свою спутницу, которая, в свою очередь, беседовала с премьер-министром Румынии. Премьер знал, чьей супругой является госпожа Демченко, помнил про немалые суммы, вложенные Игорем Демченко в экономику Румынии, поэтому был особенно любезен с госпожой – заместителем министра юстиции соседней страны. По своему статусу он не обязан разговаривать даже с министром, но супруги Демченко были явно необходимым исключением.

С отелем «Хилтон» Дронго связывали воспоминания далекой молодости, когда эта гостиница еще называлась «Адене Палас» и в ней обычно останавливались туристические группы, прибывающие из Советского Союза. В одну из первых своих туристических поездок, еще будучи студентом, он отправился в Румынию, и их группу разместили именно здесь. С тех пор прошло много лет, и отель превратился в пятизвездочный «Хилтон Адене Палас».

После ужина заиграла музыка, гости разбрелись по залу, а официанты начали разносить десерты и шампанское. Дронго отказался от бокала, увидев, как к нему направляется Илона, и подумал, что вот подходящий момент извиниться за свое вчерашнее бестактное поведение.

– Вы неплохо выглядите, – сказала она, подойдя к нему совсем близко, – темный цвет вам явно к лицу. Вообще, с вашим баскетбольным ростом вам нужно носить темные цвета.

– Учту ваше пожелание, – пообещал Дронго. – У вас тоже немаленький рост для женщины, госпожа Брескану.

– Не забывайте, что я была профессиональной волейболисткой, – усмехнулась она. – Пришлось отказаться от будущей карьеры из-за переезда в Москву и замужества.

– Женой посла быть лучше, чем звездой волейбола, – согласился Дронго.

– Смотря какой муж и какая звезда, – цинично ответила Илона. – Если бы я была звездой мирового уровня из Бразилии или Италии, тогда конечно. Или как Гамова из России. Знаете такую волейболистку?

– Видел по телевизору, как она играет.

– Я никогда бы такой не стала. Сборная Молдавии не имела шансов вообще куда-нибудь попасть, поэтому и пришлось переквалифицироваться в жену посла. Я правильно произнесла это слово?

– Правильно.

– Зато теперь я все про вас знаю. Я всегда подозревала, что интеллектуалы бывают самыми развратными из всех мужчин. Когда у человека так работает фантазия...

– Подождите, – перебил ее ошеломленный Дронго, – о чем вы говорите? Ничего не понимаю.

– Вы все прекрасно понимаете, – убежденно произнесла Илона, – и знаете, почему женщины всегда хотят спать с богатыми мужчинами. Не только из-за их денег, хотя это тоже не самый последний фактор в их пользу. Женщин завораживают ум, сила, энергетика. Если человек сумел сделать несколько миллионов, значит, он прежде всего не дурак. Но еще более волнует любую женщину успешный мужчина. Артист или певец, композитор или художник – они выезжают на своей популярности, и очень интересно узнать, каков же у них сексуальный опыт. Это – прежде всего, хотя кое-кто может быть и круглым дураком, ведь талант не всегда дается по уму. А вот писатель или мудрец поражают своим интеллектом. Там одного таланта мало, нужно еще уметь применить его. Как и аналитику или сыщика, которые легко распутывают тайные замыслы своих врагов. Всегда интересно, что именно такой интеллигент сможет придумать в постели. Такой опыт ужасно волнует...

– Вас нужно записывать, – усмехнулся Дронго, – настоящий гимн сексуальности успешных мужчин. Только не совсем понимаю, какое это имеет отношение ко мне. Я как раз вчера доказал, что не являюсь столь гиперчувствительным и сексуальным мужчиной, о которых вы говорите.

– Не скромничайте, – заметила Илона, – я сегодня разговаривала с госпожой Катибой Лахбаби.

– Интересно, что она вам рассказала?

– Про вашу игру на Мадейре во «французский покер».

– Об этом я вам сам рассказывал. Ничего особенного в этом нет. Вы же сами говорили, что загораете подобным образом даже на черноморских пляжах. Что же вас так шокировало? Все было почти пристойно, никто не раздевался до конца, и среди нас не было нудистов.

– Вы рассказали мне не все, – загадочно улыбнулась Илона. – Согласна, что в игре нет ничего особенного или необычайного. Но вы не сказали, что произошло потом...

Дронго незаметно вздохнул. Кажется, госпожа Катиба Лахбаби не смогла сдержать свой «праведный гнев» и выложила все, что произошло тогда на Мадейре. Только этого не хватало! Тем более делиться с такой женщиной, как Илона. Уже завтра об этом узнает половина всех делегатов конференции. Видимо, придется уехать отсюда, не побывав даже на экскурсии по стране.

– Ничего не произошло, – ответил Дронго. – Мы закончили игру и пытались выяснить, кто мог украсть дорогую куклу. Не без помощи самой госпожи Лахбаби мне удалось найти похитителя и эту куклу. Вот и все.

– Это неправда, – усмехнулась Илона. – Если бы вы только играли во «французский покер» или искали куклу, она бы никогда не назвала вас теми словами, которые говорила. И мне было ужасно интересно, что именно вы сделали, что вызвало у нее такой гнев. К счастью, госпожа Лахбаби не стала ничего скрывать и все рассказала.

– Удивляюсь ее разговорчивости, – пробормотал Дронго, – я считал ее более скрытным человеком. Ведь она бывший сотрудник спецслужб Марокко.

– Прежде всего – она женщина, – напомнила Илона, – и я – женщина. Значит, мы всегда можем найти общий язык. Я сказала ей, что вы пытаетесь меня соблазнить, преследуя уже несколько дней...

– Неужели вы действительно сказали такое? Как не стыдно!

– Конечно, сказала. И она сразу поверила. Ни одна женщина в здравом уме не поверит, что это я преследую вас своими домогательствами, а вы толкуете мне о каких-то непонятных принципах, которых, как сейчас выяснилось, у вас вообще нет.

– Что именно она вам сообщила?

– Когда она услышала, что вы пристаёте ко мне, сразу предостерегла от встречи с вами, – радостно проговорила Илона, – и рассказала все, что произошло на Мадейре.

– Кроме игры, ничего не было, – ответил Дронго, уже догадываясь, что именно могла сказать Илоне Катиба Лахбаби.

– Было, – возразила Илона. – Вы устроили себе гарем на острове, соблазнили сразу двух женщин и провели с ними ночь втроем. Вы бы видели, с каким ужасом говорила об этом госпожа Лахбаби! А я с трудом сдерживала смех. Кстати, почему она так возмущается? Разве у мусульман официально не разрешено иметь четырех жен? А она ведь из мусульманской страны.

– Четырех можно иметь, – подтвердил Дронго, – но не одновременно. Религия требует уважения к каждой супруге...

– Значит, вы еще и богохульник, – подвела итог Илона. – А теперь скажите правду: вы действительно провели ночь сразу с двумя женщинами?

– Я не помню, – пробормотал он, отводя глаза. – Мне кажется, она несколько увлеклась в своем праведном гневе. Вторая женщина улетела, и у меня было свидание только с одной.

– И они не оставались ночью в вашем номере? – не унималась Илона.

– Нет, – соврал он, чувствуя себя очень неловко, – этого не было.

– Сразу видно, что вы лжете, – убежденно сказала Илона. – Выходит, вы у нас не просто «ходок», как говорили в Москве, а еще и «парный ходок». Это был ваш первый опыт или вам просто нравятся подобные ситуации?

– Меня трудно смутить, но вам вполне удалось. Неужели вы считаете, что я отвечу на подобные вопросы?

– А почему нет? Мы с вами старые друзья, и я не скрываю своей заинтересованности в «углублении нашей дружбы», как обычно говорят дипломаты, поэтому мне интересно узнать о ваших сексуальных предпочтениях. Может, вчера вы были столь решительны и принципиальны, так как вам нравится несколько иное общение? У каждого бывают свои пристрастия. Есть любители однополрой любви, есть любители нимфеток, а есть и такие, как вы, предпочитающие веселую компанию. Или я ошибаюсь?

«Чтоб она сдохла, эта Лахбаби! – подумал Дронго. – Нашла о чем рассказывать. Но как ловко ее обманула Илона, перевернув ситуацию и сделав себя жертвой! Конечно, из женской солидарности Катиба тут же ее и предостерегла. Расчет идеально правильный».

– Я женатый человек и не люблю «веселых компаний», – ответил Дронго. – И вообще, вам не кажется, что наш разговор становится просто неприличным? Еще немного, и мы начнем обсуждать любимые позы в сексе.

– Это тоже очень интересный вопрос, – согласилась Илона.

«Кажется, я не встречал в своей жизни более развращенной и наглой особы, хотя считаю, что уже многое видел в своей жизни», – хмыкнул про себя Дронго.

– Давайте на этом закончим, – вслух предложил он, – иначе можно далеко зайти. Мне просто неудобно говорить с вами на подобные темы. Кстати, кажется, госпожа Демченко уже освободилась, вы не хотите к ней подойти?

– Сейчас подойду. Я узнала, что завтра мы выезжаем все вместе.

– Пока не точно неизвестно, поедет ли с нами госпожа Демченко, – ответил Дронго.

– Она не собиралась ехать, – сообщила Илона, – но я думаю, что она поменяет свое решение, когда узнает, кто именно поедет с нами. Наверное, ей будет интересно поговорить с вами, господин эксперт.

– Надеюсь, вы не собираетесь посвящать ее в детали нашего разговора?

– Обязательно посвящу. Ей будет интересно. Это так необычно в наше время. Ну, я с вами не прощаюсь. До завтра. – Илона отошла от него, направляясь к своей знакомой.

«Связывайся с такой особой, – недовольно подумал Дронго. – Она не успокоится, пока не выжмет из тебя все соки. Кажется, был какой-то американский фильм, где герой в исполнении Майкла Дугласа завел себе роковую любовницу, которую играла Глен Клоуз, начавшую преследовать своего бывшего любовника, угрожать ему и его семье. Психопатка, помешанная на сексе и своих отношениях. При этом она знала, что он женатый человек, имеет семью, но это ее совсем не останавливало. Есть такие полоумные особы, с которыми лучше не связываться. Каждый мужчина знает о возможности такой потенциальной опасности».

Он увидел, как Илона подошла к своей подруге и начала что-то тихо рассказывать, показывая в сторону Дронго. Демченко с явным интересом слушала, иногда поглядывая на него. Эксперт повернулся, чтобы уйти из зала, когда услышал, как его позвали.

– Господин Дронго, можно с вами переговорить? – спросил его незнакомый мужской голос.

Глава 5

Эксперт обернулся. Рядом с ним стоял Питер Гордон, профессор из Чикаго, прибывший вместе с Уислером.

– Вы – тот самый специалист, который занимался расследованием в Дартфорде десять лет назад? – уточнил Гордон.

– Да, – удивился Дронго. – Не думал, что об этом кто-то помнит.

– Тогда с вами работали несколько известных экспертов, один из которых рассказал мне о вашем расследовании, – сообщил Гордон, – поэтому я решил вас побеспокоить. Позвольте представиться. Питер Гордон, профессор из Чикаго.

– Слушаю вас.

– Дело в том, что я получил странное послание, – тихо заговорил Гордон. – Перед вылетом в Румынию мне пришло письмо, в котором настоятельно предлагалось не прилетать сюда на конференцию. Якобы мне может угрожать опасность.

– Когда оно к вам пришло?

– За две недели до вылета. Обратного адреса не было. Я посчитал, что это чья-то глупая шутка, и не обратил на него внимания, просто куда-то отложил...

– А сейчас вспомнили?

– Нет, я бы и не вспомнил. Но когда мы летели через Вену вместе с профессором Уислером, он сказал мне, что получил похожее письмо. Согласитесь, два письма, посланных в Чикаго и Вашингтон, – уже не случайность. Если даже считать, что какой-то неизвестный хулиган решил пошутить таким глупым образом.

– Ему тоже советовали не лететь в Румынию?

– Вот именно. И тоже неизвестный доброжелатель, который не указал своего обратного адреса. Там еще были такие смешные слова, что нам не стоит рисковать и посещать страну Дракулы. Я даже подумал, что это кто-то из наших студентов, настолько ребяческим и несерьезным показалось мне это письмо.

– Профессор Уислер его выбросил?

– Он не помнит. Говорит, что даже не читал. У него есть свой секретарь, которая вскрывает письма, а потом докладывает их содержание. Уислер приказал секретарю выбросить это письмо.

– А почему он сам не читает свою корреспонденцию?

– В Вашингтоне было несколько случаев, когда неизвестные присылали в посылках и письмах бомбы или какой-то порошок неизвестного происхождения. Именно поэтому многие профессора обзавелись секретарями, которые вскрывают их почту, – пояснил Гордон. – К счастью, в нашем городе ничего подобного пока не случилось.

– И вы решили рассказать мне об этом...

– Я хотел посоветоваться. У вас репутация одного из лучших экспертов. Вчера я рассказал об этом письме одному из румынских дипломатов, но он, естественно, ответил, что это чья-то глупая шутка. Конечно, я понимал, что он так и скажет, ведь румыны так долго готовились к этой конференции. Но мне показалось странным, что письма были отправлены нам обоим.

– И поэтому вы решили сегодня рассказать мне об этом?

– Нет, не только, – признался Гордон. – Дело в том, что я разговаривал сегодня с профессором Вундерлихом из Лейпцигского университета, и оказалось, что он тоже получил подобное послание. Три письма – это уже продуманная акция неизвестного отправителя. Мне все это очень не понравилось. Вы случайно не получали подобного письма?

– Не получал.

– А французский представитель, профессор Тальвар, неожиданно отменил свой визит, сославшись на занятость, – сообщил Гордон, – хотя до этого был твердо намерен посетить эту конференцию. Я опросил некоторых коллег, но больше подобных писем никто не получал. Получается, что их послали только во Францию, Германию и Соединенные Штаты. Хотя, может, некоторые и получили, просто стесняются или боятся об этом говорить.

– Я абсолютно точно его не получал, – сказал Дронго, – и думаю, что второй представитель Франции – тоже.

– Кого вы имеете в виду?

– Комиссара Дезире Брюлей. Его невозможно напугать или заставить поменять свое решение. Кроме того, он человек достаточно опытный и обязательно бы все проверил, прежде чем выбрасывать письмо в мусорный ящик. Но он его не получал.

– Вы считаете, что я напрасно вас побеспокоил?

– Нет. Но было бы хорошо, если бы вы захватили его с собой или хотя бы проверили возможного отправителя.

– Письмо осталось в Чикаго, в моем архиве, и без меня его все равно не найдут.

– Тогда попытайтесь связаться с профессором Тальваром и уточните, почему тот не приехал. Если и он получил подобное письмо, мы будем знать, что это была продуманная акция.

– Я звоню ему со вчерашнего дня, но его мобильный молчит. Не знаю уже, что и подумать.

– Позвоните на его кафедру или в университет, – посоветовал Дронго. – Где он работает?

– В Сорбонне. Он – известный специалист по международному праву.

– Тогда это тот самый Тальвар, с которым я знаком лично. Ему лет шестьдесят, носит очки, среднего роста, лысоватый. Все правильно?

– Да, это он. Его весь мир знает.

– Позвоните завтра с утра в Сорбонну, – повторил Дронго, – и уточните, получал ли он письмо. Хотя, скажу вам прямо, я не верю в эффективность подобного послания. Он не ребенок, а профессор права, и его не запугаешь. Постарайтесь завтра обязательно его найти. – Дронго ненадолго замолчал, потом вдруг произнес: – Знаете что? Мы сможем найти его прямо сегодня, он же профессор Сорбонны. Подождите немного. – Он посмотрел на часы, поискав глазами, сразу нашел комиссара Брюлея, сидевшего в углу на стуле, и подошел к нему вместе с Гордоном.

– Комиссар Дезире Брюлей, – представил своего друга эксперт, – а это – профессор Питер Гордон из Чикагского университета.

Они кивнули друг другу, и Дронго обратился к комиссару:

– Простите меня, но, кажется, даже здесь, на приеме, нам нужна ваша помощь.

– Что случилось? – спросил Брюлей.

– Вы знаете профессора международного права из Сорбонны месье Тальвара?

– Не могу сказать, что мы близкие друзья, но знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Нам нужно срочно его найти, а мобильный отключен. Вы не могли бы помочь?

Комиссар задумался. Затем достал свой телефон.

– Ладно, – проворчал он, – я еще на что-то гожусь. Сейчас найдем твоего профессора. Зачем он вам так срочно понадобился?

– Господин Гордон получил письмо с предупреждением, что ему не стоит приезжать в Румынию, – пояснил Дронго, – и вчера он узнал, что подобное письмо послали и профессору Уислеру, и профессору Вундерлиху из Германии.

– Чья-то глупая шутка или розыгрыш? – спросил комиссар. – Похоже, вы считаете, что все более серьезно, если хотите найти Тальвара прямо сейчас. Ладно, я вам помогу... Алло, Люка, это комиссар Брюлей. Нет, я не дома. Звоню из Бухареста, меня пригласили сюда на конференцию. Еще иногда вспоминают. У меня к тебе важное дело. Нужно срочно найти профессора Тальвара из Сорбонны. Его мобильный отключен, а здесь с ним хотят срочно перегово-

ворить. Можешь помочь? Спасибо, я никогда в тебе не сомневался. – Он спрятал телефон и сказал: – Если его можно найти, его обязательно найдут.

– Спасибо, – поблагодарил Гордон и отошел от них.

– Он что-то недоговаривает, – убежденно произнес Брюлей, – и непонятно почему так нервничает. Ведь это письмо можно расценить как шутку, а оно его так взволновало, что он всех о нем спрашивает.

– Мне показалось, что он отнесся к письму серьезнее остальных, – задумчиво проговорил Дронго.

– И поэтому сообщил тебе? – недоверчиво спросил комиссар. – Он должен был рассказать об этом хозяевам встречи, но не тебе. Или заранее просчитал, что ты попросишь меня найти Тальвара. Может, ему нужно получить своеобразное подтверждение своего алиби? Ты не очень-то доверяй ему. Я не верю в подобные порывы человека компетентного и осведомленного. Он же профессор права, а не биологии и занимается людьми и человеческой психологией, а значит, подготовлен не хуже нас с тобой.

– Учту ваши слова, – согласился Дронго.

В этот момент зазвонил телефон комиссара, и он снова вытащил из кармана мобильный.

– Слушаю. Что? Я все понял. Буду ждать звонка. Да, прямо на мой телефон... Они узнали, что профессор Тальвар уехал на юг неделю назад. Он сейчас должен быть в Тулузе. Они попытаются связаться с его супругой и выяснить, где именно находится профессор и почему его телефон отключен. Сейчас перезвонят.

– Хорошо работают, – улыбнулся Дронго, – очень оперативно.

– По-другому не умеют, – не без гордости заметил Брюлей, – все-таки мы столько лет работали вместе.

Стоявшие в стороне Илона с подругой продолжали переговариваться, поглядывая на Дронго. Заметив их перешептывание, Брюлей спросил:

– Эти дамочки все-таки решили поехать с вами?

– Пока не знаю, но, думаю, что поедут, – ответил Дронго. – Моя знакомая марокканка рассказала Илоне про меня всякие ужасные вещи, и, боюсь, теперь они обсуждают как раз эти сплетни.

– В таком случае они обязательно поедут, – добродушно заметил Брюлей, – ничто так не волнует и не интересует женщин, как сплетни о других людях. Каждым поступком женщины руководят лишь чувства, а не разум. А чувства может взволновать только сплетня. – Он снова тяжело опустился на стул. – Извини, у меня болят ноги. – Что ты думаешь об этих угрозах?

– Он говорит, что его предупреждали о том, что Румыния – родина графа Дракулы. Очевидно, кто-то собирается использовать эту старую легенду. Здесь, в Румынии, к вампирам относятся слишком серьезно.

– Это не для меня, – отмахнулся Брюлей, – я в жизни не встречал никаких вампиров или демонов, поэтому в них не верю. Я – комиссар полиции, и у меня всегда были конкретные задачи. Вон посмотри туда. Там стоит человек, который верит во всю эту мистическую чушь, Сиди Какуб аль-Мутни. Говорят, он немного волшебник. Во всяком случае, так считают в Тунисе, откуда он родом. Ты веришь в волшебников?

– Не очень.

– И я не верю. Поэтому мне так не нравится твоя будущая поездка. И с каждым часом не нравится все больше и больше. Теперь выясняется, что там будет этот темнокожий профессор Гордон, который неизвестно почему решил выбрать именно тебя для поисков профессора Тальвара, и «магрибский маг» Сиди Какуб, и все остальные, которые мне тоже совсем не нравятся. Может, поедешь с нами? Я стану твоим личным переводчиком и добросовестно буду переводить тебе все слова с французского на английский.

Оба улыбнулись этой шутке. К ним подошла Эужения Лунгул, которой, по непонятным причинам, тоже выдали приглашение на сегодняшний вечер. Или, наоборот, по слишком понятным причинам. Дронго заметил, как стоявший в пяти метрах от них Брынкуш внимательно наблюдает за ними.

– Я хотела поговорить с вами, месье Брюлей, – сказала она по-французски.

– Извините, что я сижу, – пробормотал комиссар, – у меня болят ноги.

– Так даже удобнее, – улыбнулась она. – Я хотела вам объяснить причины своего сегодняшнего поведения...

– Ничего не нужно объяснять, – перебил ее Брюлей, – все и так понятно.

– Мне казалось, что представители Франции...

– Я не являюсь официальным представителем Франции, – пояснил Брюлей. – Я всего лишь бывший комиссар полиции, приехавший сюда в качестве частного гостя. И если вам интересна моя личная позиция, я тоже считаю принудительное выселение женщин и детей не совсем верным шагом моего правительства. Вас это устраивает или вам нужны другие пояснения?

– Нет, – улыбнулась она, – больше ничего не нужно. Спасибо, комиссар Брюлей. Мне важно было услышать именно эти слова от такого авторитетного человека, как вы.

– Спасибо. Я хочу рекомендовать вам моего друга. Эксперт по вопросам преступности господин Дронго.

– Эксперт, работающий на полицию? – уточнила она.

– Нет, – ответил Дронго, – я был экспертом специального комитета ООН. Хотя быть экспертом полиции тоже нелегкая задача.

– И очень неблагородная, – заметила Эужения. – Во всем мире полиция больше занимается радикальными активистами, деятелями профсоюзного движения и правозащитниками, чем настоящими преступниками.

– Я к таким не отношусь, – резко отреагировал Дронго, – я занимаюсь расследованием тяжких преступлений.

– Нас вчера познакомили, – напомнила Эужения, – просто я подумала, что вы тоже из числа таких полицейских.

– Бывают другие?

– Конечно. Например, комиссар Брюлей, – победно произнесла она, отходя от них.

Брынкуш следил за ними с таким напряжением, словно она могла неожиданно наброситься на одного из своих собеседников. Дронго видел, как волнуется молодой румынский дипломат.

– Вы поедете завтра с нами? – спросил Дронго напоследок.

– Обязательно, – с явным воодушевлением произнесла Эужения. – С нами будут все эти профессора, и я постараюсь убедить их в своей правоте.

– Думаете, получится?

– С итальянским профессором, конечно, ничего не получится, – кивнула она, – но остальные могут меня услышать. Когда в группе будут такие эксперты, как вы и Сиди Какуб, сразу двое американских профессоров и другие специалисты, я смогу объяснить вам свою позицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.